

Марина Федорова **Корректировка**

(Омский государственный
педагогический университет)

**российским крестьянством
государственной аграрной
политики. XX век**

Сельское хозяйство России с 90-х гг. XX в. претерпевает структурные деформации, получая опыт взаимодействия с рынком. Крестьянство определенным образом воздействует на эти процессы: либо пытается оказать сопротивление, либо адаптируется к ним¹.

В России на протяжении столетий самый многочисленный слой общества оставался за рамками официального участия в государственной политике. Интересы крестьянского населения, таким образом, оставались нереализованными. И, тем не менее, крестьянское позиционирование имело место: активные и пассивные формы восприятия реформ „сверху”.

Восприятие социально-экономических изменений теми, на кого направлена стратегия развития – одно из новых направлений отечественных и зарубежных исследований второй половины XX в.² Не претендуя на полноту изложения проблемы, попытаемся в ее пределах рассмотреть крестьянское сопротивление реформам „сверху” и его влияние на интенсивность модернизационных процессов. В этом

¹ И. Э. Кознова, *«Крестьянство и власть» – научная конференция в Государственной думе, „Крестьяноведение. Теория. История. Современность: Ежегодник”*, 1996, с. 346–348.

² Т. Шанин, *Перспективы исследования крестьянства и проблемы восприятия параллельности общественных форм, „Крестьяноведение. Теория. История. Современность: Ежегодник”*, 1996, с. 8–24.

смысле крестьянство целесообразно рассматривать как активную социально-экономическую и политическую силу, корректирующую государственную аграрную политику.

Активные формы сопротивления далее рассматриваются как открытые коллективные действия крестьянского населения, выражающего свои социально-экономические интересы.

Повлиять на ход социально-экономических преобразований в начале XX в. (1905–1907 гг.) крестьянство пыталось через мирские решения: приговоры, наказания, прошения, заявления, постановления, резолюции, письма, телеграммы и т.д. в государственные инстанции³.

В приговорах и наказах крестьяне требовали безвозмездного отчуждения помещичьих, казенных, удельных, монастырских, церковных земель, отмены выкупных платежей и замены всех налогов единым прогрессивно-подходящим налогом для всех сословий, ликвидации крестьянской сословности, отмены частной собственности на землю. Так крестьяне деревни Моховой Курской губернии писали: „Признавая, что земля как предмет, никем из людей не созданный и необходимый для каждого человека, не может принадлежать в собственность одному человеку, а должна быть общим достоянием всех, кто обрабатывает ее своими руками”⁴. Для послереформенного российского крестьянства важным оставался вопрос не о собственности на землю, а о доступности к земле.

Революция 1905–1907 гг. активизировала решение аграрного вопроса, известное как столыпинская аграрная реформа. Главным направлением аграрной политики П. А. Столыпин считал освобождение крестьян от общинной зависимости и укрепление наделов в личную собственность. По итогам реформы у российских исследователей нет однозначного мнения. По расчетам И.В. Чернышева процесс крестьянского перехода на ведение хуторского и подворного хозяйства к началу 1911 г. охватывал $\frac{2}{3}$ крестьянских дворов страны⁵. При этом автор учитывал и крестьянские дворы бесперedelных общин, что не вполне правомерно, по мнению ряда авторов, поэтому А. М. Анфимов

³ Л. Т. Сенчакова, *Крестьянские наказания и приговоры 1905–1907 годов*, [in:] *Россия. XX век*, ред. Ю. Н. Афанасьев, Кн. 1: *Судьбы российского крестьянства*, Москва 1996, с. 56–88.

⁴ *Ibidem*, с. 67.

⁵ И. В. Чернышев, *Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет*, Москва 1997, с. 378.

апеллирует к более скромной цифре – 6%⁶. По данным А. П. Корелина и К. Ф. Шацилло из общины вышло около ¼ от общей численности крестьянских хозяйств на 1916 г.⁷

Что касается одной из главных целей столыпинской аграрной реформы – разрушение общины, названные выше исследователи Карелин А. П. и Шацилло К. Ф. пишут: „сколько-нибудь существенно подорвать ее значение в деревне не удалось. Если в 1905 г. в Европейской России насчитывалось 135 тыс. общин, то к 1917 г., по данным Данилова В. П., в пределах современной территории России их было 110 тыс”. Крестьянство сохранило общину как гарант социальной защиты.

Первые большевистские декреты и законы, имеющие непосредственное отношение к аграрной политике – Декрет „О земле”, принятый 26 октября 1917 г, Закон „о социализации земли” – январь 1918 г., Декрет „О социалистическом землеустройстве и о методах перехода к социалистическому земледелию”, принятый 14 февраля 1919 г. законодательно подтвердили переход к уравнительному принципу раздела национализированной земли по потребительско-трудовой норме.

Так, декрет о земле отменял частную собственность на землю: запрещались продажа, аренда и залог земли. Земля, недра, леса и воды стали всенародной государственной собственностью. Помещичьи имения, удельные, монастырские и церковные земли конфисковывались и передавались в распоряжение местных органов Советской власти. Национализация помещичьих имений была проведена с октября 1917 г. по июль 1918 г. Порядок передела земли в границах сел чаще всего устанавливался по количеству едоков в крестьянской семье.

Как пишет В. Т. Чунтулов, национализация положила начало образованию социалистического сектора в сельском хозяйстве страны. Конфискованные земельные владения с высококультурной организацией деятельности: сады, плантации, рассадники, питомники, оранжереи, конные заводы, казенные и частные племенные скотоводческие, птицеводческие хозяйства превращались в показательные государствен-

⁶ А. М. Анфимов, *Новые собственники (из итогов столыпинской аграрной реформы. Глава из книги)*, „Крестьяноведение. Теория. История. Современность: Ежегодник”, 1996, с. 61–62.

⁷ А. П. Корелин, К. Ф. Шацилло, *П. А. Столыпин, Попытки модернизации сельского хозяйства России*, [in:] *Судьбы российского крестьянства*, ред. Ю. Н. Афанасьев, Москва 1996, с. 35.

ные хозяйства – совхозы⁸. Совхозы в основном пропагандировали передовые методы хозяйствования. С первых дней Советской власти стали создаваться коллективные хозяйства – коммуны и артели.

14 февраля 1919 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) принимает второй земельный декрет – „О социалистическом землеустройстве и о методах перехода к социалистическому земледелию”. В нем подчеркивалось, что вся земля в пределах РСФСР считалась единым государственным фондом, которым распоряжается правительство в лице Народного Комиссариата Земледелия, главной формой землепользования объявлялись крупные советские хозяйства – коммуны. По утверждению В. Г. Сироткина в этот период центральной фигурой аграрного сектора вместо крестьянина-единоличника становится сельхозработчий. Сельхозработчим запрещалось иметь приусадебный участок, скот, птицу, даже собак. Руководство совхозами и коммунами передавалось земотделам, они в свою очередь определяли сельхоззадания – планы, а в каждый совхоз декретом совнаркома от 28 августа 1919 года назначался политкомиссар-уполномоченный⁹.

Уравнительный принцип землепользования не вызывал возражения основной массы крестьянства. Вызывали возражение навязываемые формы землепользования и методы изъятия сельскохозяйственной продукции с крестьянского двора. С весны 1918 г. в стране стали практиковаться внеэкономические методы изъятия хлеба у крестьян, была введена продовольственная диктатура, централизация заготовок и карточная система снабжения продовольственными товарами, создавалась продовольственная армия (продовольственные отряды рабочих – май 1918 г.), а также в июне 1918 г. в деревнях были созданы комбеды (комитеты бедноты). Комбеды создавались для учета, контроля и сбора хлеба. В сентябре 1918 г. Совет народных комиссаров принял постановление о красном терроре. Перечисленные мероприятия большевиков стали причиной массовых выступлений крестьян начиная с октября-декабря 1918 г.¹⁰

⁸ В. Т. Чунтулов, Н. С. Кривцова и др., *Экономическая история СССР*, Москва 1987, с. 143–145, 151–152.

⁹ В. Г. Сироткин, *Вехи отечественной истории*, Москва 1991, с. 162–163.

¹⁰ Т. В. Осипова, *Крестьянство в гражданской войне: борьба на два фронта*, [in:] *Россия. XX век*, ред. Ю. Н. Афанасьев, Кн. 1: *Судьбы российского крестьянства*, Москва 1996, с. 101–104, 107–108, 110–111.

В ходе сопротивления жестким внеэкономическим мерам большевиков крестьяне внесли изменения в проводимую государственную политику: в октябре 1918 г. комбеды были ликвидированы, в ходе перераспределения земель произошло выравнивание крестьянских хозяйств в пользу середняков (этот процесс М. Левин назвал аграрной революцией 1918 г.)¹¹. Крестьянские восстания 1919–1920 гг. поставили большевистское правительство перед возможностью падения власти и подтолкнули правительство к изменению политики в отношении деревни. Восстания свидетельствовали о массовом недовольстве политикой военного коммунизма и способствовали в конечном итоге переходу к новой экономической политике.

Новая экономическая политика представляла систему мер, направленных на создание условий для восстановления экономики России. Главные усилия направлялись против разрастающегося продовольственного кризиса, преодоление которого возможно было путем подъема сельского хозяйства. Одно из первых мероприятий новой экономической политики – замена продразверстки продналогом. Налог был значительно меньше разверстки и позволял крестьянину свободно распоряжаться излишками продуктов, остававшихся после его сдачи.

Несмотря на то, что крестьянству о новой экономической политике стало известно в начале весны 1921 года, серьезных изменений в деревне не произошло по ряду обстоятельств: крестьянское хозяйство не смогло мгновенно адаптироваться к новым условиям, а также сказалась засуха, поразившая основные зерновые районы России. Число голодающих в 1921 году, по разным оценкам, составляло от 10 до 27 млн. человек¹². С 1922 по 1926 гг. элементы новой экономической политики постепенно внедрялись в сельское хозяйство: крестьянство получило возможность выбора форм землепользования, была разрешена аренда земли и облегчен наём рабочей силы в деревне. С 1922 года была оказана финансовая техническая помощь государства крестьянству (в 1923–1926 гг. государство предоставило крестьянским хозяйствам, совхозам и колхозам свыше 400 млн. рублей на приобре-

¹¹ М. Левин, *Социальные аспекты гражданской войны в России*, [in:] *Россия. XX век*, ред. Ю. Н. Афанасьев, Кн. 4, т. 1: *Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал*, Москва 1997, с. 49–51.

¹² В. Т. Чунтулов, Н. С. Кривцова и др., *Экономическая история СССР*, Москва 1987, с. 175.

тение рабочего скота, удобрений, сельскохозяйственных машин и орудий, в 1921–1926 гг. было ввезено более 20 тыс. тракторов); большое внимание уделялось пропаганде передовых агрономических методов (в 1923 г. в Москве была открыта российская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка).

В результате в экономике советской деревни стали заметны позитивные процессы: сельскохозяйственное производство приблизилось к довоенному уровню, шел процесс осереднячивания села. Осереднячивание, по мнению В. Т. Чунтулова, означало увеличение доли середняков за счет уменьшения удельного веса бедняцких хозяйств, т.е. представляло собой прогресс в материальном положении крестьянства. В 1925 г. соотношение социальных групп в деревне было следующим: сельскохозяйственный пролетариат – 4,4%; бедняки – 24%; середняки – 67–68%; кулачество – 4–5%¹³.

Новая экономическая политика (нэп), модель восстановительного развития экономики, привела к консолидации советского общества. В этот период, достаточно короткий по своей продолжительности, прекращаются восстания крестьян, происходит самоорганизация крестьянского хозяйства, приведшая к осереднячиванию деревни. В целом крестьянство достаточно позитивно отнеслось к нэповской модели.

Вместе с тем в ходе восстановительного периода нэповская модель стала нуждаться в серьезной корректировке, т.к. несла в себе серьезные противоречия:

- после завершения восстановительного периода экономика страны столкнулась с необходимостью огромных капиталовложений;
- наблюдался неэквивалентный обмен с деревней (безвозмездное отчуждение части ее продукции в форме сельхозналога, затем – при помощи „ножниц цен” на аграрную и индустриальную продукцию в пользу промышленности). Расхождение в ценах сопровождалось резким снижением покупательной способности крестьян. Если в 1913 г. за один пуд ржи сельский житель мог приобрести 5,7 аршин ситца, то в 1923 г. – в четыре раза меньше. Цена сенокосилки выросла с 125 пудов до 544 и т.д.¹⁴;

¹³ Ibidem, с. 177.

¹⁴ С. В. Цакунов, *НЭП: эволюция режима и рождение национал-большевизма*, [in:] *Россия. XX век*, ред. Ю. Н. Афанасьев, Кн. 4, т. 1: *Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал*, Москва 1997, с. 73–75.

– Кроме того, исследователь С. В. Цакунов полагает, что 1923 год в жизни страны оказался переломным сразу по нескольким обстоятельствам: обострившаяся в 1922 г. болезнь Ленина позволила Каменеву, Зиновьеву и Сталину объединиться и сосредоточить власть, направить свою энергию против Троцкого, что в свою очередь определяло иные перспективы нэпа; в Германии в 1923 г. потерпело поражение восстание, организованное коммунистами, слабость революционных сил стала дополнительным доводом в пользу скорейшей разработки новой доктрины большевизма в крестьянской России. Кризис 1923 года, утверждает автор, еще раз наглядно показал, насколько опасна политизация хозяйственной практики, насаждаемой сверху¹⁵.

Таким образом, выбор дальнейшего пути развития советской экономики опирался на ряд социально-экономических и политических факторов. В советской историографии утвердилось несколько прямолинейное представление – складывание командно-административной системы государственного устройства вытекало из потребностей разрозненной крестьянской стихии, неизбежно требовавшей сильной личности (так называемый крестьянский монархизм)¹⁶. Крестьянство рассматривалось как инертная социальная масса, достаточно равнодушная к государственным делам. Существует немало оснований придерживаться такой концепции. Вместе с тем Р. У. Девис, О. В. Хлевнюк, И. Е. Зеленин и др. обращают внимание на факты, которые выпадают из этой схемы. Строительство сталинской модели социализма сопровождалось массовыми арестами крестьян, что в свою очередь вызывало их сопротивление. В 1929 г. в стране было зарегистрировано более 1300 мятежей¹⁷. В конце 1929 – начале 1930 гг. политика массового создания колхозов также встретила сопротивление: в январе зарегистрировано 346 массовых выступлений с участием 125 тыс. крестьян, в феврале – 736 выступлений, в которых участвовали 220 тыс. крестьян, в марте – 1642 массовых выступления, в них приняли участие 800 тыс. крестьян (данные без Украины)¹⁸. Приведенные данные свидетельствуют о масштабности и массовости крестьянско-

¹⁵ Ibidem, с. 76.

¹⁶ Н. Покровский, *Мирская и монархическая традиции в истории российского крестьянства*, „Новый мир”, 1989, № 9, с. 225.

¹⁷ *Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг.*, ред. В. П. Данилов и Н. А. Ивницкий, Москва 1989, с. 23.

¹⁸ Р. У. Девис, *Развернутое наступление социализма по всему фронту*, [in:] *Россия*.

го сопротивления преобразованиям, проводимым в деревне. Причем восстания оказали влияние на ход коллективизации – в результате правительство вынуждено было переходить к более мягкой политике. В марте – апреле 1930 г. на короткий промежуток времени руководство смягчило курс – 2 марта газета „Правда” опубликовала статью Сталина „Головокружение от успехов”, в которой вина за „перегибы” коллективизации возлагалась на исполнителей – низовое партийное и государственное руководство¹⁹. В апреле правительство еще более ослабило политику постановлением ЦК ВКП(б), предусматривавшим применение наказания к наиболее жестким исполнителям и разрешило свободный выход крестьян из колхозов²⁰. Вместе с тем контроль за ситуацией в деревне был сохранен и с осени 1930 г. насильственная коллективизация была возобновлена.

Новая волна массового крестьянского сопротивления началась в 1932 г. Крестьяне нападали на государственные хлебные склады, выходили из колхозов. Так, по данным, приведенным И. Е. Зелениным, с января по июль 1932 г. количество колхозов в РСФСР сократилось на 1370,8 тыс. 12 Весной начался протест в городах:

Так, в начале 1932 г. в Вычуге Ивановской области несколько месяцев не выдавали муку; дети, получавшие до того 100 г хлеба в день, были переведены на 60 г паек [...] 7–9 апреля, например, большие группы жителей белорусского г. Борисова разгромили хлебные склады, организовали демонстрацию и нашествие женщин и детей к красноармейским казармам [...] Демонстранты встретили определенную поддержку у представителей местных властей и милиционеров [...] В Ивановской области активное участие в забастовках и демонстрациях принимали местные коммунисты²¹.

В результате правительство вынуждено было перейти к более либеральной политике. По свидетельству исследователей Р. У. Девис и О. В. Хлевнюк, в мае 1932 г. Совет Народных Комиссаров (СНК), Центральный Исполнительный Комитет СССР (ЦИК СССР) и Цен-

XX век, ред. Ю. Н. Афанасьев, Кн. 4, т. 1: *Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал*, Москва 1997, с. 124, 125, 127–129.

¹⁹ *Хрестоматия по истории СССР. 1917–1945 гг.: Учеб. пособие для педагогических институтов*, сост. С. И. Дегтев и др.; ред. Э. М. Шагин, Москва 1991, с. 333–336.

²⁰ *История России. Социально-экономический и внутривластный аспект. В 2 ч., ч. 2. XIX–XX вв.*, сост. Н. Н. Баранов и др., Екатеринбург 1992, с. 62.

²¹ Р. У. Девис, *op. cit.*, с. 127–129.

тральный Комитет Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков) (ЦК ВКП(б)) выпустили ряд постановлений, разрешающих сокращение государственного плана хлеба и скотозаготовок, свободную торговлю хлебом с 15 января 1933 г. (после выполнения хлебозаготовок), мясом (после выполнения поставок в государственные фонды); а также о недопустимости ликвидации личных подсобных хозяйств колхозников, о возвращении колхозникам ранее обобществленного скота и др.²².

Непоследовательные уступки со стороны сталинского руководства деревне в эти годы не смогли предотвратить голод, эпидемии, индустриальный кризис, так как основными методами проведения коллективизации оставались репрессии. Вместе с тем активное крестьянское сопротивление корректировало политику „больших скачков” как в деревне, так и в городе. Так, план второй пятилетки уже предусматривал снижение темпов прироста промышленной продукции и капиталовложений, а в деревне крестьянский двор, вопреки государственной стратегической цели, сохранил личное подсобное хозяйство.

В конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. был последний всплеск крестьянского недовольства, проявившийся в активных формах, против насильственных преобразований в деревне. В дальнейшем и сами преобразования носили более лояльный характер и крестьянство, сохранив личное подсобное хозяйство, гибко приспособлялось к изменяющимся социально-экономическим условиям. Уход от активной, внешне проявляемой позиции в указанный период – это результат и окончательного разрушения крестьянского мира и окончательного нарушения баланса интересов крестьянского двора и интересов всего общества. В 30-е гг. XX в., по мнению Н. Покровского, было окончательно нарушено взаимодействие крестьянского двора и государства²³.

В дальнейшем выражение позиции крестьянства к реформам и преобразованиям следует рассматривать с точки зрения пассивной реакции (хозяйственной деятельности, выживания, развития) крестьянского двора. В отечественной литературе исследования в этой области только начаты.

²² Ibidem, с. 129.

²³ Н. Покровский, *op. cit.*, с. 230.

Раскрывая содержание пассивного сопротивления реформам „сверху” мы обратимся к работе Д. Скотта *Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян*, привлекая, там, где это уместно, опубликованные данные отечественных исследователей (термины обыденное и пассивное сопротивление будем употреблять в равном значении).

Д. Скотт пишет, что ещё в 70-е гг. XX в. американский ученый М. Блок, занимавшийся проблемой значимости обыденных форм сопротивления в истории аграрных отношений, призывал переключить внимание исследователей с восстаний, записи о которых в архивах занимают преимущественное место, на незаметные формы классовой борьбы. То, что известно нам как брехтовские или швейковские формы сопротивления: нерадения при выполнении работ, симуляция, фальшивое согласие, притворство, злословие, уклонение, подворовывание, браконьерство и др., т.е. формы выживания.

Вот такие, по большей части весьма прозаические, – пишет В. Скотт, – и есть средства классовой борьбы. Они служат „первым прибежищем” в тех обычных исторических условиях, когда открытое неповиновение невозможно либо чревато смертельной опасностью. Если их широко практикуют в противостояние элите и государству представители угнетённого класса или даже класс в целом, совокупные последствия такого противостояния не идут ни в какое сравнение с их внешней обыденностью и банальностью. И об адекватной оценке классовых отношений не может быть речи, если не брать во внимание это их значение²⁴.

В пассивном (обыденном) сопротивлении скрыта проблема политического конфликта, оно объединяет большинство „устойчивым стереотипом социального поведения”, когда коллективные действия проявляются на индивидуальном уровне. Д. Скотт выделяет несколько форм крестьянского обыденного сопротивления: браконьерство, крестьянское сопротивление налоغو-бложению, дезертирство, сопротивление деревни государственному социализму. Автор пишет, что самым популярным преступлением в Англии с середины XVII по середину XIX в. было браконьерство. Объекты и масштабы браконьерства в разные времена были разными. Крестьяне покушались на

²⁴ Д. Скотт, *Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян (1985 г.)*, „Крестьяноведение. Теория. История. Современность: Ежегодник”, 1996, с. 37–41.

собственность знати и государства собирая дёрн, торф, вереск, тростник, хворост, глину, камни, мел, уголь, выпасая скот на чужих лугах, заготавливая лекарственные травы, обрабатывая украдкой чужую землю в свою пользу и т. п. В XVIII в. браконьерство приняло такие масштабы, что правительство приняло так называемые драконовские законы, по которым браконьерство каралось смертью. То же самое было сделано в большинстве колоний – леса объявлялись собственностью правительства.

„Для нас, – пишет Д. Скотт, – основное значение имеет то обстоятельство, что браконьерство было неотъемлемой частью существования и пропитания сельского населения – оно было освящено обычным правом”²⁵. Поэтому, и после объявления лесных угодий собственностью государства, местное население не признавало это справедливым. Браконьерство рассматривается автором как устойчивый социальный механизм перераспределения собственности.

Даже в период сталинской коллективизации приворовывание (по терминологии Д. Скотта – браконьерство) не было редким явлением в колхозной жизни крестьян, являясь одной из форм выживания в жёстких рамках режима. В качестве яркого примера приведён рассказ Антонины Степановны Семёновой (Поволжье) из опубликованных записей В. Виноградского, сделанных в 1990–1992 гг.

Богатые или не богатые у нас были Кудеяры – этого не скажу. Но, видать по всему, – богатые. Сады какие были, бахчи! Вот это у нас было хорошо. Ведь всё было своё. А сейчас чего? И бахчи не содют, и общие огороды бросили. Вон, в энтот год садили бахчу. Её и развезли всю! У кого машина есть – поедут, накладут, сколько им надо. В караульщики-то сейчас ни один не идёт, боятся. Чего ж, все на колёсах. И машины, и мотоциклы у людей: подъедут, стукнут по башке и ищи потом ветра в поле [...]

В прошлом году на Чардыме была бахча. И никаких караульщиков. Кому надо было – везли. Конечно уж, пешком да с мешком не пойдёшь туды! Ну сколько на себе принесёшь? Три арбуза! А холку то натрёшь – оттоль, с Чардыма, нести. А машина или, там, мотоцикл – увезёт. Это вот не зря говорили раньше: „Ой, лошадь способствует жизни человека”. Везде, куды не пойдти, не на себе, а на лошади везёшь чего-нибудь. И за дровами, и пахать, и бороновать, и сеять – всё лошадь! Ну вот мотыгой да

²⁵ Д. Скотт, *op. cit.*, с. 33.

лопатай наработай, без лошади – куды-ы. А сейчас – машины... Вон он, сосед, – запрягает эту машину свою и едет – куды ему надо: и за грибами и за ягодами, и за картошкой, и воровать-то едет. Он мешок бросил, его и не видать в машине-то. А на горб положишь – его далеко видать! Сумочку не-сёшь и то видать. А сейчас свободно насыпешь, везде. Караульщикова-то нет! Да, живут люди с машинами-то. Вот у нас тут стоит свинарник, у пекарни. Летось туда навозили столько ячменя – это ужась просто!

И вот Клавка Митрофанова наладилась туда – воровать. Я-то не вижу, а слышать мне всё, у окошка: чего это она возит на маленькой тележке? Задами-то. Пойдёт, мешок насыпет, на тележку его и увезёт. Раза три за день-то ходит. Вот стучит к ней Нюра, соседка Клавки: „Чего это ту, Клавдя, возишь?” Та отвечает: „Мел...” А там, на свинарнике, правда, мелу полно – свиным-то возят. Нюра: „Да ты уж много раз ездила-то”. А Клавка: „Да вот, – запасаю”. И – хи-хи-хи, хи-хи-хи. Нюра снова: „Да куды тебе его? Чего белить? Дом – обитый досками, в избе всё крашено. Баня вот только. Да и та обитая. Разве изнутри?” Клавка молчит, ни гу-гу. А она ячмень возила! И скотину кормила. Знаешь, какая скотина у ней? Выгнали весной, инда земля трясётся под коровами и быками! Хоть ложись на спину ей. Вот какая спина широкая. С мелу-то, с мелу [...] (смеётся).

А на себе тащить пойдёшь... Ну чего принесёшь?! Самое много, – ну, три ведра принесёшь. Ну Сашка у нас ни разу не ходил. Я и не посылаю. Боюсь я этого! И можно было бы. Тут совсем рядом... А боюсь! Я боюсь, а он ленится. Меня вот когда в раскулачивание потрясли, и с тех пор я боюсь. У нас Лёня, бывало к этому особо не приучал. Скажет: „Бедный, но честный!” [...]

Рассказывал Лёня – бедно они жили с отцом. Избёнка была маленькая, хлеба не хватало – меняя. Вот, например, у меня – большой дом. А у них, у соседей, – маленькая избёнка. Коли жить нечем, так приходилось променять большой дом на эту кибитку маленькую, а в придачу воз хлеба или ещё что-нибудь другое, нужное. Вот эдак и переколачивались они. А больше выросли детишки-то, работать пошли. И молотить ходили по людям, и косить Лёня ходил по хозяевам. Работали. По-всякому жили.

Вот этот дом строили... (Тяжело вздыхает). Господи! Всё, всё сам ведь он сделал! Уж как мучался Лёня с домом, как переживал. На дом-то сколько всего надо!

Бывало, быков убирал... Уберет, а ночью поедет на паре быков в лес. Запрягут их в передок. А днём-то приглядят дерево какое: на матицу. Вечером, смеркалось – едут на быках с Женькой. Срубят эту матку, привезут её на передке, на быках. А она – сырая. Сушить-то её некогда, надо дом перекрывать! И положили её сырую. Она, видишь... Вон туда посмотри! Как

лопнула! Перекрутилась. Я эту лопину-то не вижу, я её на ощупь знаю. Как потолок-то мою на Пасху, так её и щупаю – не расходится дальше-то!

Лёня тогда из колхоза просил матку-то. В колхозе было много лесу тогда. А Виктор Кузьмич не дал. Косяки-то у наших дверей – дубовые, и окошки все дубовые. Поедет Лёня, срубит дуб, а утром-то обтёсывает и делает. Из сырого-то дуба, – нешто это порядок?! А сухого-то тёса – ну где его взять-достать?”

Когда свинью кормишь, ей хлеба надо, всяких отходов со стола – кусков, недоедков. Высевки – мы ведь тогда ещё пекли хлеб-то – тоже в чугунах, свинье. Высевки – это отруби, из муки. Раньше ведь размольная была мука, а ведь не ситная. Размольна... там есть высевки. Размольная мука – это прямо из-под жернова. Там высевки попадают. А ситная – другая, там отруби отбиваются. А размольная – это с камня, коим мелют. Там все-таки попадают отбросы. Поэтому есть хлеб размольный, а есть – ситный. Когда мука идет из ковша в ларь, это называется „первый сев”. Там его отшибут от мешочек – для лапши, для пирогов... „Первый сев” – это хорошая мука. Отруби – в другой ларь идут, себе. А потом опять засыпают – „второй сев”. А потом, бывает, и первый, и второй сев вместе смешивают. Это обыкновенная мука получается.

Откуда это знаю? Чай мололи! Что ж я, не молола?! Я и на себе потаскала, знаешь сколько?! Вон ещё живы люди, которые видали, как я таскала. Бывало Лёня украдёт... Он, вот, нахал... Ведь сроду воруют, чаво там говорить! Сроду ведь недостатки да нехватки... Вот он, Лёня, тут, над Еврасовыми дворами пахал. Потом сеяли, и он веял. Остановил трактор, пуда три набрал, насыпал в мешок семенного зерна, принес домой. Ну чаво? Его надо прятать, зерно-то! Концы-то хоронить надо!... Ну я набрала, видно, пуда три с половиной. Ну я корову отгнала... Или нет, не отгнала, а Насте Труниной приказала: „Настя, ты корову отгони в стадо, а я на мельницу пойду”.

А мельница-то во-он где, в Тиновке. А мы жили вон, где Давыденки ныне живут. Ну я навалила на себя мешок, ведь она краденая, пшеничка-то! Три с половиной пуда! Семь километров идти! Понеси-ка! Вон иду задами-то, а подо мной ноги дрыгают. Я боюсь! Ой, иду, иду, иду... А тут казённый амбар у нас был, на задах. Иду, иду, дрыгаю: „Ой, кто бы меня как не встретил...” Ну, семенной хлеб ведь! Вдруг слышу едет. Батюшки! Едет на лошади кто-то. Так у меня все и оторвалось! Ой догоняет... „Тпру-у!” Ну чаво?! Мне теперь некуда деваться! Гляжу – а это бригадир, Петя Ладухин, свистун. Спрашивает: „Ты куда идёшь?” – „На мельницу...” – „Да ты одурела совсем, ты в себе ли?! Ну, клади мешок, подвезу маленько” Он меня довёз, так уж я под гору сошла и вот на мельнице я.

А Виктор Кузьмич, председатель – он вон где, за мельницей жил. Он на работу через мельницу ходит! И обязательно заходит, проверяет... Пришла – мельница ещё закрыта. Был мельник у нас – Мишка, немец. Он у нас возрастал. Он однорукый, в 12 лет ему руку на мельнице оторвало. Он сиротский... Кобер у него фамилия. Ну вот – сижу у двери-то, у мельницы. Думаю: „Господи, хоть бы скорее пришёл...” И тут ещё Клавдия Пудовина пришла с узелком. И у этой тоже воровской хлеб. Сидим с ней...

Она говорит: „Да это как же ты мешок припёрла?!...” Я говорю: „Вот как...” – „Да ты что? Да из этакой дали!” А я ей отвечаю: „Да ведь своя ноша не тянет...” Ну посидели, Мишка идёт... „Да скорей иди, Миша...” [...]

Приходит: „Чаво?” – „Да мы уж устали сидеть-то!...” – „Да я не знал, что вы эдак рано придёте...” Ну отпёр.

Мы с Клавдией в уголок шмыгнули – сейчас мол, будем засыпать хлеб. А Мишка говорит: „Сейчас, пройдёт этот жандарм, Кузмич-то, тогда и засыпем...” Ну тут кругом лари, мы сели, я мешок-то свой спрятала и тоже села. А Клавдия со мной рядом сидит, пух выбирает. С делами всё ходили!. Входит Кузмич: „Здрасьте!” – „Здрасьте и Вам” – „Сидите?” – „Сидим”. Он ходит, заглядывает в ковши – там нет ничего ещё. Ещё и мельницу то не пускал Мишка... Да... Ну Кузмич вниз пошёл, в колхоз. Думаем: „Ну, слава Богу – ушёл!” Мишка входит: „Ну, кто из Вас будет вперёд?. Ты, Тоська, засыпай, у тебя побольше”. Я засыпала, говорю: „Господи, хоть бы скорей!...” На размол! А пшеничка-то хорошая была, семенная. Она примолу мне много дала... Намолола я без малого мешок – пшеничка-то дала примол... Хорошо [...]

Тут на мельницу Трифанов пришёл, начальник. И вот он спрашивает меня: „Тоська, ты на чём приехала?”. Я говорю: „На одиннадцатом”. Он: „Ха-ха-ха!”. Чудак был. Его все чудак звали. Он – Кольки-болтуна отец, Мотя-то. Он опять: „Нет, Тоська, правду скажи – ты на чём приехала?...” Я говорю: „Да пешком пришла, дядя Мотя!”. Он: „Да ты что?! Кой тебя чёрт взял? Как ты таперя пойдёшь?! Ведь цельный мешок! Ведь ты сгубишь сама себя!” Я ему: „Да ну, дядя Моть!... Вот ты мне сейчас на спину мешок подынешь... А своя ноша не тянет...”

Он говорит: „Да это-то я знаю, что своя ноша не тянет. Но – чижало ведь, Тося!”. Ну взвалила мешок, пошла. Опять мимо Репьёвки, а там гора-то, знаешь, какая?! Иду, стоном стонаю: „Господи, помоги! Господи, помоги!”. Вышла в гору – больше не могу идти. Подошла к какому-то двору – вроде к Лёньке Купцову отцу. Лавка у двора, вот, как у нас стоит. Я мешок на лавку ссадила и сама к мешку-то прислонилась. Не могу больше идти! Никак! Ой, ну чаво же?. А я взопрела, все на мне прилепилось – мука-то горячая, из-под жернова. Ну уж я с мукой не так боялась, как

с пшеничкой-то. Выходит дядя Ваня Молодкин: „Здорово!” – „Здорово...” А он, дядя Ваня, был моего дяди брат жены... Спрашивает: „Ты чаво?” – „Вот так и так...” – „Да ты чаво, с эдаким грузом! Надо на тележке...” Я: „Да ну нет у нас тележки, дядя Ваня...” Он мне: „Да ты рассыпь! Ты половину-то отнеси, а другую оставь, не бойсь”. Я говорю: „Ну ещё, буду я рассыпать!...” А сама себе думаю: „Ещё украдут...”

От так боялись! Ну, все-таки донесла. И целую неделю хворала. Это было не знай в 1936 г., не знай – в 1937 г. Ой, долго я хворала. Всё себе надорвала! Эх, потаскали мы – чаво там говорить! Всё ведь воровали! Керосин воровали, хлеб воровали, фураж воровали – чаво там говорить... Это уж сейчас сидим как пеньки – ничего не ворует и не надо!²⁶

Если взять во внимание, что российское колхозное крестьянство впервые получило заработную плату в 1966 г., можно только предположить масштабы приворовывания, являющегося механизмом перераспределения собственности, целью которого было не обогащение, а выживание. Таким образом, колхозная система на протяжении десятилетий укреплявшаяся сверху, постепенно разрушалась снизу, не поддерживалась основной частью крестьянства.

В деревнях Малайзии, где В. Скотт проводил исследования, уклонения от уплаты десятины являлось единодушным явлением и сводилось к нехитрым действиям. Одни арендаторы и мелкие собственники земли уклонялись от попыток агента по сбору десятины зафиксировать возделываемые площади; другие занижали сведения о площадях и сборах урожая; третьи реально сдавали меньше риса, чем полагалось по их заниженным данным; наконец, зерно или рис сдавали реально меньше по весу – подмоченное, вперемешку с соломой или камешками.

Последствия, как указывает автор, были поистине впечатляющими: государству поставлялось менее одной пятой от десятипроцентного налога. В данном случае не было никаких открытых видов протеста в виде бунтов, демонстраций или петиций. При этом крестьяне формально десятину платили, на практике же её ликвидировали.

„Молчаливая согласованность, без которой немислимо такое сопротивление, основывается на общей системе ценностей, и на хо-рошем представлении о тех приёмах и способах, которыми осуще-

²⁶ *Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах*, Москва 1996, с. 165–169.

ствимы уклонения и увертки, чисто экономического интереса здесь недостаточно.” Сельчане видели несправедливость в обложении и распределении налога (десятины): его не платили помещики и другие состоятельные люди и мешки с зерном не возвращались затем обратно в деревню для помощи бедным. Вместе с тем жители деревень продолжали добровольно помогать бедным и членам своей большой семьи. Т.о. „не столько сам факт изъятия зерна встречает неприятие, сколько несправедливый способ его изъятия и присвоения”²⁷.

В досоветской, советской и постсоветской российской деревне XX века налогообложение практически четко не регламентировалось, так как сохранялось косвенное налогообложение. Приведем пример советской деревни. В первые послевоенные годы (50–60-е) колхозная деревня, как и прежде являясь основным источником поступления средств в государственный бюджет, испытывала тяжесть налогового бремени: с крестьян взимались денежные средства и забиралась сельскохозяйственная продукция. По воспоминаниям крестьянина М. С. Семенихина: „Жилось не просто. Больно уж налоги-то были велики. Подоходный налог – 600 рублей. Молоко – 200 литров, заем – 300 рублей, яйца – 75 штук, страховка – 700 рублей. Был сельхозналог – продукты за все, что выращивалось в огороде: и зерном, и картошкой, и овощами”. За трудодень работнику в колхозе выходило 200–300 граммов зерна, на 320 трудодней – 96 кг зерна, его тут же продавали. Если в хозяйстве не было коровы, овец или птицы хозяевам приходилось покупать молоко, яйца, шерсть на базаре, и расплачиваться, таким образом, с государством по сельхозналогу²⁸. Крестьяне, как и в 30-е годы, были прикреплены к колхозам при помощи паспортной системы, на них не распространялось пенсионное обеспечение, с мая 1939 г. был введен обязательный минимум трудодней для трудоспособных, а с 1942 г. был введен на период войны обязательный минимум трудодней: он распространялся на подростков и нетрудоспособных²⁹.

Трудно сказать какую часть сельхозналога крестьянам удавалось не выплачивать государству, но вполне можно говорить о том, что

²⁷ Д. Скотт, *op. cit.*, с. 35–36.

²⁸ В. Бердинских, *Крестьянская цивилизация в России*, Москва 2001, с. 374–375.

²⁹ Н. С. Иванов, *Раскрестьянивание деревни (середина 40-х–50-е гг.) годов*, [in:] *Россия. XX век*, ред. Ю. Н. Афанасьев, Кн. 1: *Судьбы российского крестьянства*, Москва 1996, с. 416.

корректировка государственному налоговому обложению, имела место, а сельское хозяйство долгое время оставалось невосприимчивым к техническому оснащению. Пассивное сопротивление государственному налогообложению объясняет терпимое отношение крестьян к размерам налогообложения.

Джеймс Скотт вскользь, ссылаясь на опубликованные работы, пишет и о практиковавшемся столетиями европейскими крестьянами пассивном сопротивлении.

Так, например, история сопротивления французских крестьян католической десяatine, которую отменила только Французская революция, насчитывает более чем три столетия и дает нам большое разнообразие приемов и способов сопротивления. При внимательном знакомстве с этой историей поражаешься изобретательности, упорству сопротивления и его успехам. Были там и стачки, и бунты, и петиции, направленные против десятины, однако совершенно ясно, что главную роль в доведении её результатов до приемлемого уровня играли увертки и отговорки, менее заметные для историка³⁰.

К пассивным формам крестьянского сопротивления Д. Скотт относит армейское дезертирство, которое в кризисные периоды государств с аграрным строем играли решающую роль в смене режимов. В качестве примеров приведен американский и российский исторический опыт.

Армстед Робинсон, – пишет Д. Скотт, – документально доказал, что решающую роль в крахе Конфедерации во время Гражданской войны в США сыграло именно обыденное сопротивление. Подогреваемые законами, освобождавшими от призыва многих сыновей плантаторов, чтобы в условиях кризиса 1862 г. спасти их семьи от полного разорения, и, вообще, имея небольшой интерес в защите рабства, белые фермеры стали покидать армию Конфедерации в огромном количестве. По оценке Робинсона, 250 тыс. белых жителей деревень и холмов дезертировали или уклонились от призыва – в пять раз больше, чем число белых жителей южных штатов, принявших участие в войне. Их отказ участвовать в том, о чем они сами говорили („воюют богатые, а дерутся бедные”), был решающей причиной поражения Ли при Антьетеме в Восточном Теннесси. Как выразился один священник – южанин, „наша армия растаяла как снежный ком, и всё из-за

³⁰ Д. Скотт, *op. cit.*, с. 37.

дезертирства. Бегство из армейских рядов усугублялось массовым уклонением, неподчинением, распространением побегов среди рабов, которые оставили Конфедерацию без продовольственных запасов и доходов, необходимых для ведения войны. Ни дезертирство, ни увиливания, ни побегι невозможны были бы в таких масштабах, если бы в определенных слоях населения не было широко распространено общее отношение поддержки этой практики и осуждения любых попыток властей прекратить её³¹.

Поражение в царской армии в Первой мировой войне и последующую победу большевиков автор объясняет массовым дезертирством с фронта летом 1917 г., проходившему на фоне стихийных захватов помещичьей земли в деревне. При этом рядовые крестьяне не думали о революции, но сделали все для её подготовки. Под этим углом зрения описывается практика уклонения от военного набора и дезертирство в послереволюционной Франции и времени ранней Империи. Приведенные примеры убедительное доказательство того, как пассивное сопротивление может свергать режимы.

Сочувствие российских крестьян дезертирским настроениям в период гражданской войны объяснялось, прежде всего, их неприязнью к принудительным мобилизациям, которые усугублялись экономическим произволом в деревне.

Что касается преобладания пассивного сопротивления в рамках системы государственного социализма, то Д. Скотт замечает, что госсοциализм практически не оставляет других возможностей для сопротивления, имея возможность пресекать всякий открытый протест. Но каждодневное пассивное сопротивление крестьянства обеспечивало слабость государственного сельского хозяйства, его кризис, и, в конечном счете, приводило к перемене политического курса. В качестве яркого примера В. Скотт называет ситуацию, сложившуюся в Китае к 1987 г.

Так было в Китае, когда в 1978 г. там начались глубокие экономические реформы, связанные с именем Дэн Сяопина. С определенной точки зрения демонтаж колхозов и внедрение „системы семейной ответственности”, поощрение мелкой торговли и рынков может рассматриваться как рациональный политический курс центра на обеспечение экономического роста путем далеко идущих реформ. И хотя такую точку зрения не на-

³¹ Ibidem, с. 37–38.

зовешь неверной, она полностью упускает из виду тот факт, что сам этот поворот в центральном политическом курсе был исподволь подготовлен двумя десятилетиями крестьянского сопротивления прежней политике — тихого обыденного сопротивления. Во время голода, ставшего следствием Большого скачка и унесшего, по современным оценкам, от 10 до 20 млн. жизней, отчаявшееся крестьянство, часто при поддержке и попустительстве местных кадров, удвоило свое сопротивление ужасающей политике. Разнообразнее стал арсенал средств сопротивления, включавший ложные сведения об обрабатываемых площадях, возделываемых культурах, урожайности, преувеличенные рапорты о воровстве и порче зерна, тайные закупки и т.д. А вдобавок, поскольку рабочий день сельского труженика принадлежал коллективному хозяйству, продукция которого была жестко обложена поставками и налогами, очень существенной формой выживания и сопротивления было тихое перераспределение трудовой энергии в пользу личного подсобного хозяйства³².

В середине 60-х — середине 80-х гг. XX века аграрная политика в СССР была направлена на огосударствление и централизацию сельскохозяйственного производства. В рамках выбранной и неосуществленной политики происходило: преобразование колхозов в совхозы, ликвидация неперспективных деревень и др. В итоге нараставшего кризиса сельскохозяйственного производства региональные власти пришли к необходимости поощрения развития личного подсобного хозяйства (ЛПХ)³³.

Переход к рыночным отношениям в экономике изменил аграрную политику российского государства. В 90-е гг. сельское хозяйство находилось на стадии перехода от социалистических колхозов и совхозов к различным формам хозяйственной деятельности. В этот период произошла самоорганизация сельскохозяйственного населения, приведшая к формированию различных форм земельной собственности и хозяйствования (крупные сельскохозяйственные предприятия, крестьянские фермерские хозяйства, личные подсобные хозяйства).

В начале аграрных преобразований надежды возлагались на один из двух путей развития. По одному из них считали: крестьяне, получив доступ к земле, начнут интенсивно создавать фермерские хозяй-

³² Ibidem, с. 40–41.

³³ Т. Е. Кузнецова, *Самообеспечение населения продовольствием в регионе*, [in:] *Аграрные отношения: выход из тупика*, ред. Л. В. Никифоров, Москва 1991, с. 170–179.

ства, которые, в свою очередь, превратятся в основные производители сельскохозяйственной продукции. По-другому: крупные сельхозпредприятия, избавившись от государственной опеки, повысив производственную эффективность, вытеснят с аграрного рынка мелких производителей³⁴. В итоге как заметил В. Узун, ни тот, ни другой сценарий не оправдал себя. Фактически за годы реформ возросла роль ЛПХ в производстве сельхозпродукции и снизилась роль крупных сельхозпредприятий. „Фермеризация” сельского хозяйства все же произошла, но не за счет официально зарегистрированных крестьянских хозяйств, а за счет развития ЛПХ сельских жителей³⁵.

Таким образом, оставаясь нереализованными, интересы крестьянства проявлялись в активных и пассивных формах сопротивления государственным реформам сверху. Государственная аграрная политика подвергалась корректировке. Политика, направленная на разрушение общины не была поддержана, общинные нормы организации хозяйства сохранялись как гарант социальной защиты. В 30-е гг. имела место либерализация аграрной политики в условиях тоталитаризма. С середины 30-х гг. XX в. пассивные формы сопротивления становятся преобладающими. Личное подсобное хозяйство на протяжении советского и первого постсоветского десятилетия (90-е гг.) не исчезло – оно оставалось основой выживания крестьянской семьи.

Korekta państwowej polityki agrarnej przez rosyjskie chłopstwo w XX wieku (streszczenie)

Chłopi – najliczniejsza warstwa rosyjskiego społeczeństwa – od wieków pozostawali poza formalnym udziałem w polityce. W ten sposób ich interesy nie były realizowane, a jedyną formę uczestnictwa stanowiły aktywne i pasywne formy percepcji reform „z góry”. W artykule omówiono recepcję polityki państwowej wobec chłopstwa na przestrzeni XX wieku. Najważniejsze reformy rosyjskiej wsi zawsze spotykały się z odzewem chłopów, który przynosił rezultaty odmienne od spodziewanych.

³⁴ С. А. Никольский, *«Аграрная реформа» 1991–1995 гг. и проблемы модернизации российской деревни*, „Крестьяноведение. Теория. История. Современность: Ежегодник”, 1996, с. 207–208.

³⁵ В. Узун, *Корпоративные и семейные фермы в сельском хозяйстве России, США и ФРГ*, „Politekonom. Сельское хозяйство и аграрная политика”, 1999, № 1, с. 92.

Pierwszą próbą zmiany rosyjskiej polityki agrarnej była reforma stołypinowska (1906) zakładająca likwidację obszczyzn. Chłopom zapewniały one jednak gwarancje społeczne, wobec czego starali się oni wszelkimi legalnymi sposobami zahamować skutki reform. Z jeszcze większym niezadowoleniem rosyjskie chłopstwo przyjęło reformy wprowadzane przez bolszewików po przewrocie 1917 roku, wystąpienia chłopskie wręcz wymusiły zmianę polityki wobec wsi i przejście od komunizmu wojennego do NEP-u. Równie silna była reakcja chłopstwa na próbę totalnej kolektywizacji ZSRR w 1930 roku, masowe bunty zmusiły władze do nieznacznej liberalizacji w zakresie handlu żywnością. Nie uchroniło to jednak tradycyjnych społeczności wiejskich przed likwidacją. Wraz z kolektywizacją możemy mówić o przejściu od aktywnej do pasywnej reakcji na politykę rolną państwa. Takimi działaniami można nazwać kłusownictwo i kradzież, które kołchoźnicy uprawiali nie w celu wzbogacenia się, lecz przeżycia. Była to oddolna reakcja na politykę państwową, utrwalającą system kołchozowy. Kołchoźnicy większą wagę przywiązywali do pracy na swoich „prywatnych gospodarstwach pomocniczych” niż do kołchozu. Gospodarstwa te stały się również, wbrew założeniom państwa, podstawą gospodarki rolnej po upadku systemu kołchozowego.

